

Вздох впалой грудью

Иэн Бостридж на «Декабрьских вечерах»

КоммерсантЪ 2. - 2005. - 8 фев. - с. 22.

концерт классика

Среди артистов, впервые участвующих в этом году в «Декабрьских вечерах», одно из самых почетных мест стоит отвести Иэну Бостриджу. Известный британский тенор выступил в Москве вместе с пианистом Джулиусом Дрейком, представив программу, составленную из песен Шуберта. Певца слушал СЕРГЕЙ ХОДНЕВ.

Среди нынешних британских теноров по степени известности и популярности Иэн Бостридж уступает разве что своему более старшему коллеге — Марку Пэдмору (приезжавшему, кстати сказать, в Москву уже дважды: на Пасхальный фестиваль в 2003-м и на «Декабрьские вечера» в 2004-м). Сами их голоса, если брать тембр, и вокальная манера не слишком, правда, схожи, и сопоставлять двух певцов можно разве только в том ключе, что оба они — представители одной и той же традиции исконно английских теноров. Именно британская вокальная школа рождала и рождает немало таких теноров, которые в общепринятые белькантовые стандарты вписываются, пожалуй, с трудом. Но зато изумительно подходят для другого репертуара, где важны не столько вокальные кульбиты, помноженные на крупно помолотую лиричность, сколько острая индивидуальность, творческая работа над нюансами, пронизательный вкус.

Если лет пятьдесят для голосов такого рода основной «вотчина» оставалась камерная музыка, прежде всего песенно-романсовая, то теперь они активно востребованы в старинной вокальной музыке — духовной,

ораториальной, но и оперной также. Все перечисленное в отношении мистера Бостриджа справедливо особым образом. Потому что равно эффектными и равно состоятельными оказываются, например, и его записи песен Шуберта и Шумана — и те записи, где он исполняет оперные партии Монтеверди и Перселла. Более того, он пел среди прочего и вполне «большую» и ответственную заглавную партию в моцартовском «Идоменея», которую традиционно принято отдавать певцам более зычного и менее трепетного склада.

Что занятно, порой эти работы оказываются похожими. В безутешном монтевердиевском Орфее или мятущемся Энее Перселла у Бостриджа нет-нет да и мелькнет вместо героя на котурнах зашуганный неврастеник из романтических песен. И наоборот (что было особенно очевидно по нынешнему концерту в ГМИИ): у Шуберта время от времени он находил такие интонации, которые можно было подать с совершенно вневременной красноречивостью, такой, что звучали эти фразы то по-баховски, то по-монтевердиевски — а то и по-бриттеновски. Это вряд ли происходило без всякого сознательного умысла певца, которому интеллектуальные игры со стилистикой наверняка близки: в конце концов, он едва ли не единственный из солистов его уровня, кто за плечами имеет не только певческую карьеру, но и академические штудии в Оксфорде, увенчавшиеся «Ph.D.» за диссертацию по истории вдовства в Европе раннего Нового времени.

Но не одной интеллектуальностью его пение приятно — хотя даже внешний его

облик с болезненного вида худобой наводит на мысли о скорее уж тихой слабости печали, чем о каком-то полнокровном бурлении эмоций. Редко когда внешность бывает настолько обманчивой. Голос певца не очень велик, но обладает безусловной силой и молодевазой юношеской звучностью, которые были бы ощутимы и в куда большем помещении, чем Белый зал музея изящных искусств. И притом впечатляет не только при мягком, летящем, вкрадчивом интонировании почти вполголоса, но и тогда, когда звучит яростно, надрывно, резко. А таких моментов было немало. Надо сказать, что они несколько выигрывали бы, если бы игра Джулиуса Дрейка при этом была бы менее шумной (в иных песнях из первого отделения казалось, что приткрытый рояль и певец соревнуются, кто громче) и менее скоростной (пару раз за темпом аккомпанемента певец еле поспедал). Впрочем, в целом сотрудничество певца с аккомпаниатором казалось вполне выверенным: особенно импонировала та легкость, с которой что один, что другой следовали избранному концертному формату: песни исполнялись нон-стоп, без пауз, так что мысленно перестраиваться исполнителям приходилось буквально в секунды. словно желая до конца продемонстрировать собственную универсальность (а заодно статус едва ли не лучшего британновского певца), закончил свой концерт Иэн Бостридж романсом «Соловей и роза», который британское «их музыкальное все» Бенджамин Бриттен написал на стихи «нашего всего» — Пушкина.